

Крылов Герман Леонидович

кандидат богословия, магистр востоковедения и африканистики, Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Адрес: 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

E-mail: german_krylov@mail.ru

Христиане у истоков ислама: свидетельства мусульманского предания

Статья, основанная исключительно на свидетельствах мусульманского предания, посвящена христианам, окружавшим Мухаммада в доисламский и ранний исламский период, и их влиянию на него. Как минимум два члена ближайшего окружения Мухаммада, его супруга Хадиджа и ее двоюродный брат Варака, признаются исламской традицией христианами или, по крайней мере, знакомыми с христианским учением. Они первыми услышали взволнованный рассказ Мухаммада о том, как ангел принуждал его произносить первые строки откровения, названного в дальнейшем Кораном. Роль Вараки и Хадиджи в становлении будущей религии невозможно переоценить: именно они убедили Мухаммада в истинности его пророческой миссии, а за кончиной Вараки последовал весьма красноречивый перерыв в откровениях, во время которого исламский пророк не раз оказывался на грани самоубийства.

Когда же откровения возобновились, мекканские соплеменники Мухаммада часто видели его в компании рабов-христиан. Естественно, мекканцы стали подозревать Мухаммада в переработке рассказов этих чужеземцев, что сам исламский пророк решительно, но довольно неубедительно отрицал в своих аятах. Несмотря на все различия, ислам догматически наиболее близок христианству, а Коран содержит многочисленные аллюзии на сюжеты Библии и апокрифических евангелий, косвенно свидетельствующие о том, что общение Мухаммада с христианами в доисламский и ранний исламский период было отнюдь не бесплодным.

Ключевые слова: христианство, ислам, Коран, религия, предание.

В современном мире крупнейшими по численности последователей религиями являются христианство и ислам. Знакомство с перипетиями последних полутора тысяч лет мировой истории не оставляет сомнений в том, что христианско-исламское взаимодействие отличали наивысшая степень интенсивности по сравнению с контактами между другими религиями и поистине всемирная масштабность. Конечно, долгое время «всемирность» этих контактов была относительной и ограничивалась известными цивилизованному человечеству пределами обитаемого мира (при всем европоцентризме и относительности самого понятия «цивилизованное человечество» как самоосознающего носителя единой цивилизации), однако к настоящему моменту взаимодействие между христианством и исламом стало в полном смысле всемирным благодаря прежде всего Интернету, а также появлению мусульманских общин в Европе, Северной и Южной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Первое исламское государство – халифат, основанный Мухаммадом в VII в., уже при его преемниках вступил в долговременный конфликт с Византийской империей, которая с тех пор постоянно находилась в конфронтации с исламскими государствами Средиземноморья и Ближнего Востока, пока наконец не пала под напором исламских завоевателей-османов в XV в. Эстафету войн с христианскими государствами, служивших своего рода катализатором межрелигиозных контактов, продолжила Османская империя; параллельно с мусульманскими государствами воевала на Востоке православная Российская империя.

Возникшая в западном сознании причуда секуляризации не уменьшила интенсивность и широту глобального христианско-мусульманского взаимодействия ни в новое, ни в новейшее время. Приглушенное эхо обозначившейся на Западе как минимум в XVIII в. тенденции к ограничению роли религии в государственном устройстве к XX в. достигло и исламского мира (в Египте это произошло еще раньше, в первой трети XIX в., когда правитель-реформатор Мухаммад Али занялся созданием современного государства по европейским образцам). Европейские государства постепенно переставали именовать себя христианскими, идентифицируя себя уже с тем или иным политическим строем, а не с религией. Правда, их партнеры в исламском мире, уже имеющие в основном светские конституции европейского образца, и поныне далеки от отрицания своей мусульманской идентичности (достаточно сказать, что созданные под европейским влиянием конституции всех государств мусульманского мира не стесняются провозглашать шариат основным или одним из основных источников законодательства). Многочисленные мусульманские общины существуют в Западной Европе и Северной Америке, постепенно укореняющиеся на Западе мусульмане вступают в диалог с коренным населением, несмотря ни на что, порой даже помимо собственной воли, сохраняющим мировоззренческие основы христианской цивилизации. Даже сами попытки отрицания христианства, столь распространенные ныне на Западе, своей последовательностью и интенсивностью свидетельствуют о глубинном равнодушии людей постхристианской культуры к религиозной истории своих стран, в основании которого лежит их стремление «развенчать» христианское учение, мешающее им наслаждаться комфортом земной жизни по принципу «покойся, ешь, пей, веселись» (Лк. 12, 19). Значительный вклад в активизацию христианско-мусульманского взаимодействия внесло и то, что ныне по преимуществу

мусульманский Ближний Восток уже несколько десятилетий является ареной военно-политических процессов, активнейшее участие в которых принимают государства, сформировавшиеся под воздействием достижений христианской культуры. В результате ближневосточные христианские меньшинства с усилением консервативных тенденций в исламе оказались в окружении, враждебность которого постоянно возрастает, что уже сейчас угрожает исчезновением христианства с карты этого региона, подобно тому как это произошло когда-то с неисламскими религиями в пределах Аравии по слову исламского пророка: «Да не будет на Аравийском полуострове двух религий» (*Tadmurī*, 1990. P. 304).

В истории ислама не было такого периода, когда он не находился бы в контакте с христианством. Больше того, можно сказать, что ислам начал взаимодействовать с христианством даже прежде своего возникновения. Эта фраза кажется парадоксальной лишь на первый взгляд. Анализ исторических свидетельств, сохраненных исламской традицией, показывает, что основатель ислама Мухаммад познакомился с христианским учением еще до того, как появилось само слово «ислам», до того, как он сам начал идентифицировать себя как мусульманина. Это произошло благодаря его родственнику со стороны жены – Вараке ибн Науфалу, мекканскому религиозному деятелю местного масштаба, которого мусульманские источники называют христианином. Те же источники свидетельствуют, что в первый (мекканский) период своей проповеди (610–622 гг. от Р.Х.) Мухаммад, уже противопоставивший себя аравийским христианам, иудеям и язычникам, но пока не получивший военную силу и политическое влияние и посему постоянно подвергавшийся насмешкам и обвинениям в обмане со стороны соплеменников, регулярно общался с христианами.

Исламская традиция сохранила имена некоторых из христианских собеседников Мухаммада, донесла до нас информацию о сути обвинений против исламского пророка и его реакции на них. Не допуская никаких сомнений в божественном источнике откровений Мухаммада, исламское предание (под которым, помимо Корана, мы понимаем комплекс авторитетных комментариев к нему, сборников рассказов-хадисов о речениях и деяниях исламского пророка, его жизнеописания и исторические хроники о его эпохе), тем не менее содержит целый ряд весьма любопытных деталей, дающих серьезные основания предполагать влияние представителей христианско-иудейской традиции по крайней мере на формирование сюжетной составляющей сакрального текста ислама. Здесь уместно отметить и то, что и с точки зрения догматики ислам является наиболее близкой к христианству религией. Мусульмане не только провозглашают единого Бога, но и верят в безмужнее зачатие Иисуса Девой Марией. Благодаря этому Христос в исламе занимает уникальное место среди людей с точки зрения способа сотворения. Так, если Адам и Ева были сотворены без родителей, а все остальные люди, кроме Иисуса, имели отца и мать, то Христос, как признает это ислам, был рожден без естественного отца (*Aṭ-Ṭabarī*, 1994. P. 268; *Al-Ḥuwaynī*, 2010. P. 353), что отличает Его даже от Мухаммада, имевшего земных отца и мать. Особое место занимает Христос и в мусульманской эсхатологии: согласно ей, он вернется на землю перед всеобщим воскресением из мертвых, будет править по исламскому шариату, убьет Лжемессию (*Al-Masiḥ ad-dajjāl*) и свиней, сломает кресты и введет джизью (отдельный налог на немусульман) (*Qabāwa*, 1954. P. 57). Искаженное влияние эсхатологии христианства прослеживается и в самом

факте именовании грядущего богоборца «лжемессией» («лжехристом»). Есть в Коране и персонажи Ветхого Завета – Моисей, Аарон, Авраам, Исаак, Исмаил и Иосиф, и рассказ об отроках, уснувших в пещере на несколько веков, а также эпизоды, очевидно заимствованные из апокрифических евангелий. Согласно исламской традиции, обо всем этом Мухаммад узнал от ангела Джibriля, доставлявшего ему откровения от Аллаха, однако нейтрально настроенному исследователю нарратив авторитетных источников ислама дает серьезные основания для вывода о том, что всю эту информацию мекканский богоискатель получил вполне естественным путем от живших в Мекке рабов-христиан и земляков-иудеев.

Выше мы уже упоминали о существовании свидетельств исламского предания об общении Мухаммада с христианами (причем достаточно близком, если учесть, что христианином был кузен его супруги Хадиджи и, весьма вероятно, она сама) еще до получения первых потусторонних откровений, в дальнейшем положивших начало новой религии. Прежде всего, речь идет здесь о третьем хадисе¹ в сборнике аль-Бухари, цепочка передатчиков которого восходит к самой юной жене Мухаммада – Аише. Согласно этому хадису, двоюродный брат первой его жены Хадиджи Бинт Хувейлид – Варака ибн Науфаль – был христианином. Об изначальной религиозной принадлежности Хадиджи исламская традиция умалчивает, однако, учитывая ее близкое родство с Варакой, можно с очень большой вероятностью предположить, что она если даже и не была христианкой, то по крайней мере была знакома с христианским вероучением. Весьма вероятно, правда, и то, что жители далекого пустынного края, называвшие себя христианами, представляли христианские догматы не совсем так, как в православной Византии или на западе христианского мира, и даже не так, как жившие в периферийных византийских и персидских провинциях монофизиты и несториане. Скорее всего, коренные жители Мекки, религиозным вождем которых был Варака, в отличие от завезенных насильно невольников-византийцев исповедовали некую христианскую ересь, об особенностях которой мы не имеем сейчас точного представления. Исламская традиция называет их, как, впрочем, и мекканских рабов-ромеев, *naṣārā* («назореи»), и этот термин до сих пор применяется мусульманами для обозначения христиан наряду с *masīḥiyyūn* (от араб. *Al-Masīḥ* – Христос), который, собственно, и означает «христиане».

Именно Хадиджа и Варака ибн Науфаль утвердили Мухаммада в убеждении, что его откровения исходят из божественного источника. Согласно упомянутому хадису [Al-Buḥārī, 2002. P. 7–8; Al-Buḥārī, 2012. Vol. 1. P. 180–181], вначале у него были некие «добрые видения во сне», сравниваемые с «утренней зарей». Мухаммад полюбил уединение: он регулярно предавался благочестивым размышлениям в одиночестве в пещере Хира близ Мекки. Однажды к нему явился некий ангел, который схватил Мухаммада и сильно сдавил его, так что тот изнемог. Затем таинственный гость отпустил Мухаммада и сказал: «Читай». – «Я – не читающий», – был его ответ. Так

¹ Хадисы в сборнике аль-Бухари имеют общую нумерацию, которая, однако, не имеет унифицированного характера для всех изданий и в определенный момент нарушается. Так, упомянутый хадис в использованных нами двух изданиях имеет номер 3, однако, будучи повторенным ближе к концу сборника с добавлением о неоднократных попытках самоубийства Мухаммада по причине перерывов в ниспослании откровений, он оказывается пронумерованным по-разному. В издании 2002 г. [Al-Buḥārī, 2002] он получает номер 6982, а в многотомном издании 2012 г. [Al-Buḥārī, 2012] – 6988.

повторялось дважды, а на третий раз, сдавив и отпустив Мухаммада, ангел произнес: «Читай во имя Господа твоего, который сотворил, сотворил человека из сгустка. Читай, ведь Господь твой – самый благородный»². Испуганный Мухаммад вернулся домой и попросил укутать его. Мухаммада укрыли, он успокоился и рассказал о происшедшем с ним Хадидже. «Я боюсь за себя», – сказал он своей супруге. «Нет, клянусь Аллахом, Аллах никогда не посрамит тебя», – эмоционально ответила Хадиджа, указав на достоинства Мухаммада, его доброе отношение к родным и близким, помощь обездоленным и любовь к правде. Затем супруги пошли к Вараке, которому Мухаммад рассказал о случившемся. «Это закон, который Аллах ниспослал Моисею», – сказал Варака недоумевающему Мухаммаду. Варака был в летах и уже ослеп. Упоминается, что он знал еврейский язык и писал на нем отрывки из Евангелия. Он выразил Мухаммаду сожаление, что уже не молод, и предсказал ему изгнание. «Те, кто приносил подобное тому, что принес ты, встречали лишь вражду, – ответил Варака на недоуменный вопрос Мухаммада. – Если бы я дожил до твоего дня, я поддержал бы тебя крепкой поддержкой». Однако вскоре Варака скончался, и откровения Мухаммада прекратились.

Этот хадис приводится в сборнике аль-Бухари слово в слово еще раз ближе к концу (*Al-Buḥārī*, 2002. P. 1729–1730; *Al-Buḥārī*, 2012. P. 87–90) с любопытным добавлением. В нем сообщается, что с прекращением откровений Мухаммад глубоко опечалился и неоднократно намеревался убить себя, но, согласно исламу, ангел Джibriль, сообщавший ему написанное на небесной скрижали, всякий раз отвращал его: «Печаль достигала такой силы, что он неоднократно уходил, чтобы броситься с вершин гор. Но всякий раз, как он поднимался до вершины, чтобы броситься вниз, ему являлся Джibriль и говорил: «О, Мухаммад, ты истинно посланник Аллаха». И тогда страсть его смиралась, душа утверждалась и он отступал. Но, если перерыв опять начинал казаться ему слишком долгим, он вновь приступал к тому же. Когда же он достигал вершины горы, ему являлся Джibriль и говорил то же самое» (*Al-Buḥārī*, 2002. P. 1730; *Al-Buḥārī*, 2012. P. 89–90).

Итак, согласно исламской традиции, поток откровений прервался после смерти Вараки, уважаемого члена мекканской общины, почитаемого в качестве знатока Священного Писания христиан и иудеев. Мы видим, что Варака на время разрешил сомнения Мухаммада, однако его уход очевидно спровоцировал продолжительный приступ неуверенности у экзальтированного супруга Хадиджи, обострения которого неоднократно приводили его на грань самоубийства.

Довольно красноречивым выглядит и молчание Сунны относительно отношений между Мухаммадом и Варакой после того, как последний столь уверенно и страстно заявил о божественной природе откровений Мухаммада. В обоих вариантах этого хадиса сразу же за цитатой слов Вараки идет сообщение о его смерти и прекращении откровений. Однако отсутствие упоминаний о контактах Вараки и Мухаммада в этот период вряд ли можно рассматривать как свидетельство того, что их не было. Скорее наоборот, можно с уверенностью предположить, что Мухаммад, испытавший сильный шок от соприкосновения с потусторонним миром в пещере Хи́ра, должен был

² Эти слова представляют собой первые три аята суры «Сгусток» [Al-Qur’ān 96: 1–3]. Будучи расположенной на 96-м месте в Коране, эта сура, согласно исламской традиции, была ниспослана первой.

неоднократно обращаться как минимум за психологической поддержкой к столь симпатизирующему ему родственнику, почитаемому авторитетом в религиозных делах и живущему по соседству.

Коран свидетельствует, что в адрес Мухаммада со стороны его неверующих соплеменников звучали обвинения в фабрикации откровений на основании информации, полученной от христиан, с которыми он общался. «А если Мы заменили один аят другим, а Аллах знает, что Он ниспосылает, то они скажут: Ты выдумщик. Но большинство из них не понимают. Скажи: Ниспослал это Дух Святого, от Господа твоего по истине, чтобы укрепить тех, кто уверовал, как руководство и благую весть для мусульман. Мы знаем, что вы говорите: его научают люди. Язык того, на которого они указывают, иностранный, а это – ясный арабский язык. Тех, кто не верует знамениям Аллаха, Аллах не ведет по прямому пути, и для них – болезненное мучение» – так звучат аяты 101–104 суры «Пчелы» (Ан-Нахль) (Al-Qur’ān 16: 101–104).

В этом отрывке мы видим ответ Мухаммада на обвинения соплеменников в том, что он сам придумывает тексты, выдаваемые им за откровения. Основанием для таких обвинений стала замеченная курейшитами их смысловая непоследовательность. Данный аят словами Аллаха фактически признает эти противоречия: «Мы заменили один аят другим». Такое понимание подтверждают и комментаторы Корана. Так, ат-Табари толкует этот аят следующим образом: «Если мы отменили положение какого-либо аята и заменили его другим положением» (*Aṭ-Ṭabarī, 1994. P. 558*). При этом, по словам ат-Табари, Аллах имеет полное право на такие манипуляции смыслами ниспосылаемого им откровения: «Аллах лучше знает, что Он ниспосылает [...]. Аллах лучше знает, что полезнее для Его творения, когда замещает или изменяет Свои повеления» (*Aṭ-Ṭabarī, 1994. P. 558*). А вот как толкует этот аят авторитетный комментарий к Корану «Аль-Джалялейн» («Два Джаляля»), названный так именами авторов – Джаляль ад-Дина Мухаммеда бен Ахмеда аль-Махалли и Джаляль ад-Дина Абд ар-Рахмана бен Аби Бакра ас-Суйути (XV в.): «А если Мы заменили один аят другим – [то есть], отменив его и ниспослав иное для пользы рабов» (*Qabāwa, 1954. P. 278*). Аналогичное объяснение замены, которая имеется в виду в этом фрагменте, дает «Большое толкование» (At-Tafsīr al-kabīr) крупного исламского теолога Мухаммеда Фахреддина ар-Рази (XII–XIII вв.): «Отмена одного и замещение его другим» (*Ar-Rāzī, 1981. P. 118*). Это общий смысл слова «замещение» или «замена» (ar. tabdīl, а в контексте исламской науки о толковании Корана, когда речь идет о замещении одного аята другим, используется специфический термин *nash* («замена, аннулирование, упразднение») (*там же*). При этом аят, признанный исламской традицией более ранним по времени ниспослания и противоречащий более позднему, остается неотъемлемой частью Корана. То есть текст, признаваемый мусульманами речью Самого Бога и извечно хранимым на «небесной скрижали», фактически отражает смену императивов, связанных с конкретными обстоятельствами весьма краткой по сравнению с вечностью жизни Мухаммада, что призвано, согласно исламу, послужить пользе рабов Божиих. Вполне естественно, что критически настроенные мекканцы обратили внимание на изменчивый и противоречивый характер некоторых откровений, которые они слышали из уст своего необычного соплеменника, и стали подозревать его в мошенничестве. Ответом им стало упомянутое оправдание, усиленное последующей риторически изощренной угрозой грядущего наказания (Al-Qur’ān 16: 104–109).

Мекканские откровения Мухаммада содержат целый ряд своеобразно пересказанных и трансформированных библейских сюжетов. Персонажами Корана являются Ной (Нух) (Al-Qur'ān 3: 33; 4: 163; 6: 84; 7: 59, 69; 9: 70; 10: 71; 11: 25, 32, 36, 42, 45, 46, 48, 49, 89; 12: 102, 109; 14: 9), Моисей (Муса) (Al-Qur'ān 2: 51–52, 54–55, 60–61, 87, 97, 108, 136, 246, 248; 3: 84; 4: 153, 164; 5: 20, 22, 24; 6: 84), Мария (Мариам) (Al-Qur'ān 3: 36–37, 42–45; 4: 171), Авраам (Ибрагим) (Al-Qur'ān 2: 124–127, 130, 132–133, 135–136, 140, 258, 260; 3: 33, 65, 67–68, 84, 95, 97; 4: 54), Исаак (Исхак) (Al-Qur'ān 2: 133, 136, 140; 3: 84; 4: 163; 6: 84; 11: 71; 12: 6, 38; 14: 39; 19: 49; 21: 72; 29: 27; 37: 112–113; 38: 45), Иаков (Якуб) (Al-Qur'ān 2: 132–133, 136, 140; 3: 84; 4: 163; 6: 84; 11: 71; 12: 6, 38, 68; 19: 6, 49; 21: 72; 29: 27; 38: 45), фараон (Фираун) (Al-Qur'ān 2: 49–50; 3: 11; 7: 103–104, 109, 113, 123, 127, 130, 137, 141; 8: 52, 54; 10: 75, 79, 83, 88, 90; 11: 97) и др. Имеются упоминания об Иисусе, сыне Марии (Иса ибн Марьям) (Al-Qur'ān 2: 84, 253; 4: 157; 5: 17, 46, 72, 75, 110, 114, 116), некоторые из которых можно рассматривать как свидетельства знакомства автора Корана с евангельскими апокрифами (Al-Qur'ān 4: 171; 5: 110, 112, 114) и учением иудеохристианских сект, почитавших Христа как пророка и отрицавших Его божественность (Al-Qur'ān 4: 157; 5: 75, 78, 116). Как следует из приведенного выше фрагмента суры «Пчелы», соплеменники подозревали, что Мухаммада всему этому научает некий живший с ними иностранец. От комментаторов мы узнаем некоторые подробности о нескольких подозреваемых в научении Мухаммада, причем версии, признаваемые исламской традицией надежными, говорят, что это были христиане. Наиболее близкий по времени к эпохе Мухаммада Абу Джаафар ат-Табари (IX–X вв.) поясняет, что те, кто указывают на этого чужеземца, – невежественные многобожники и что они утверждают следующее: «Тот, кто научает Мухаммада тому, что он читает [Корану], человек из сынов Адама, и оно [читаемое Мухаммадом] – не от Аллаха» (At-Ṭabarī, 1994. P. 559). Согласно ат-Табари, Аллах в данном аяте утверждает лживость разговоров о том, что некий иностранец учит Мухаммада. Сообщает ат-Табари также, что этот иностранец, на которого указывают враждебно настроенные к пророку язычники, – ромейский (византийский) раб, подразумевая, что он в силу своего неарабского происхождения не мог чисто говорить по-арабски. «Поэтому Всевышний сказал: Язык того, на которого они указывают, иностранный, а это – ясный арабский язык». Вполне естественное предположение, что Мухаммад мог переложить ломаную речь иностранца правильным языком, попросту не берется в расчет ни ат-Табари, ни последующими комментаторами, за исключением Мухаммеда Фахреддина ар-Рази (XII–XIII вв.).

Говоря о религиозной принадлежности этого византийского раба, уместно вспомнить, что ко времени Мухаммада христианство уже три столетия было государственной религией Византийской империи. Отсюда логично предположить, что этот византийский раб был христианином. Проповедь ислама началась на фоне ирано-византийской войны 602–628 гг., которая по своим масштабам и последствиям для человечества вполне достойна называться «мировой». Этот конфликт истощил обе империи, облегчив задачу арабским завоевателям, вооруженным воинственной идеологией ислама. Весьма вероятно, что византийский раб, бывший собеседником исламского пророка, попал в плен к персам, а затем был перепродан торговцам Аравийского полуострова, этого «дикого поля» в зоне соприкосновения противоборствующих Византии и Сасанидского Ирана.

«Аль-Джалялейн» говорит, что речь в 103-м аяте суры «Пчелы» идет о рабе-христианине, к которому заходил Мухаммад (*Qabāwa, 1954. P. 279*). «Два Джаляля» утверждают, что Аллах указал на иностранное происхождение того, кто якобы научал Мухаммада, и вопрошают, как может учить Мухаммада иностранец, в то время как Коран – «ясный арабский язык» (*Qabāwa, 1954. P. 279*).

Сразу несколько версий того, кем именно был тот таинственный чужеземец, приводит толкователь Корана XIV в. Имад ад-Дин Абу-ль-Фида Исмаил Ибн Касир (*Al-Huweynī, 2010. P. 712–713*). По одной из них, это был раб одного из кланов племени курейш, торговавший у горы ас-Сафа близ Мекки. Мухаммад неоднократно сживал у него и о чем-то беседовал. Эта версия умалчивает о происхождении этого иностранца, отмечая, что едва ли он мог больше чем отвечать на простые вопросы по-арабски. «Как мог тот, кто принес этот Коран со всем его красноречием, выразительностью и совершенной полнотой смыслов, превосходящей любую книгу любого посланного ранее пророка, учиться у чужеземца? Имеющий хоть малую толику разума не скажет такого никогда!» – рассуждает Ибн Касир (*там же*).

Другая версия, приводимая Ибн Касиром, называет имя этого христианина-раба – Джабр, сообщая, что он торговал не у горы ас-Сафа, а у соседней горы – аль-Марва (*Al-Huweynī, 2010. P. 713*). Согласно ей, невольник принадлежал племени аль-хадрами. Еще одна версия называет иное имя этого раба – Йа‘иш (شيعي) (*там же*).

Согласно следующей версии, приводимой Ибн Касиром, Мухаммад был знаком с одним жившим в Мекке рабом по имени Бал‘ам (إعلب), родным языком которого не был арабский. Многобожники видели, как Мухаммад заходил к нему и выходил от него, после чего и заявили, что его учит Бал‘ам, а им в ответ и был ниспослан данный аят (*там же*). Ибн Касир отмечает, что, по одной из версий, этим иностранцем был раб-перс Сальман аль-Фариси, ставший первым мусульманином персидского происхождения. Правда, тут же Ибн Касир указывает на недостоверность этой версии, так как сура «Пчелы» принадлежит к более раннему, мекканскому периоду, а Сальман аль-Фариси принял ислам уже в Медине (*там же*).

Еще одна версия, приведенная у Ибн Касира, говорит о существовании двух рабов-ромеев, читавших некую книгу на своем языке, к которым заходил Мухаммад и слушал их чтение, что и послужило многобожникам поводом говорить, что пророк ислама учится у них (*там же*).

Упоминает Ибн Касир и еще одну версию, согласно которой был некий человек, записывавший ниспосылаемые Мухаммаду откровения, который затем оставил ислам и начал утверждать, что пророка мусульман научает чужеземец (*там же*). Объяснить такое поведение можно либо тем, что человек, уверовавший в пророчество Мухаммада и имевший самое непосредственное отношение к фиксации его откровений, почему-то решил сознательно оклеветать пророка; либо тем, что со временем у него появились основания подозревать, что эти тексты имеют не божественное происхождение, что и побудило его оставить ислам.

Столп исламской теологии Мухаммад Фахреддин ар-Рази (XII–XIII вв.) в «Большом толковании» (*At-Tafsīr al-kabīr*), известном также как «Ключи тайного» (*Mafātīḥ al-ḡayb*), говорит о существовании нескольких версий, придуманных теми, кто не хотел признавать Мухаммада пророком. Согласно им, Мухаммад черпал сюжеты у раба по имени Йа‘иш, читавшего книги и принадлежавшего племени бану ‘амир, или у раба по имени ‘Аддас (سدادع),

принадлежавшего ‘Утбе бен Рубей’и (يعيب بن قبتع), или у раба по имени Джабр (جرب), у которого были книги и который принадлежал племени бану аль-хадрами (يحمض خلا ونب). В «Жизнеописании пророка Мухаммада» Ибн Хишама упоминается некий раб двух сыновей ‘Утбы бен Рубей’и по имени ‘Аддас, встретившийся с Мухаммадом в городе Таиф, жители которого не приняли исламского пророка и избили его. По повелению сыновей ‘Утбы, пожалевших пострадавшего, ‘Аддас принес Мухаммаду гроздь винограда, и между ними состоялся диалог, в котором ‘Аддас сообщил, что он христианин из Ниневи (Tadmurī, 1990. P. 68–69). Скорее всего, мекканский ‘Аддас и ‘Аддас из Таифа – это один и тот же человек, на это указывает его принадлежность семейству бен Рубей’и, хотя и непонятно, как он мог оказаться в сравнительно далеком Таифе. Кроме того, согласно ар-Рази, в Мекке жил христианин-иностранец Бал’ам, говоривший по-ромейски, и Сальман аль-Фариси, родным языком которого был персидский. Кем бы ни были эти иностранцы, отмечает ар-Рази, суть обвинений против Мухаммада заключалась в том, что он узнает у других фразы, выдает их за свои и лживо утверждает, что они были ниспосланы ему (Ar-Rāzī, 1981. P. 119).

Аргументы, приводимые ат-Табари, «двумя Джалылями» и Ибн Касиром, в пользу того, что риторическое совершенство Корана исключает возможность того, что Мухаммад учился у некоторого иностранца, откровенно слабы. Вполне логично допустить, что тот или иной сюжет можно услышать на ломаном арабском и переложить его правильным языком. Лишь ар-Рази замечает этот нюанс и теоретически признает такую возможность. Однако он апеллирует к исламскому догмату о неподражаемом превосходстве языка Корана³ (там же), которое уже само по себе, по его мнению, является доказательством его божественного происхождения (там же). То есть, по ар-Рази, Мухаммад, конечно, мог слышать сюжеты, вошедшие в Коран, от иностранцев, однако сам по себе он не смог бы переложить их таким неподражаемым языком, какой отличает Коран, являющийся речью Самого Аллаха. Именно к сомневающимся, по словам ар-Рази, обращена угроза следующего аята: «Тех, кто не верует знамениям Аллаха, Аллах не ведет по прямому пути, и для них – болезненное мучение»⁴ (там же). Этот аят открывает целый фрагмент с риторическими угрозами в адрес тех, кто сомневается: «Клевету измышляют те, кто не веруют в аяты Аллаха, они лжецы. Отвергнувшие Аллаха после того, как уверовали, – лишь те, кого

³ Следует отметить, что каких-либо объективных критериев, доказывающих неподражаемость языка Корана, исламская традиция не сформулировала, фактически провозгласив ее в качестве догмата, дополняющего догматы о единобожии и пророческой миссии Мухаммада. Помимо ярких поэтических образов в Коране присутствуют и откровенно тяжеловесные, и ущербные в смысловом выражении формулировки (например, Al-Qur’ān 24: 61, слабость которого не в силах скрыть даже высокий стиль русскоязычных переводов), навевающие мысли о существовании нескольких авторов с весьма разным уровнем владения словом. Усвоению этого догмата способствует традиция таджвида – чтения Корана нараспев. Мастерское воспроизведение лексически и синтаксически архаичных арабских текстов, непонятных не только мусульманам-неарабам, но и многим носителям арабского языка, на уровне подсознания усвоившим догматизированный тезис о неподражаемости коранического слова, и по сей день способно вызывать у них бурную эмоциональную реакцию.

⁴ Al-Qur’ān 16: 104.

принудили, но сердце их спокойно в вере⁵. Но на тех, кто раскрыл свою грудь неверием, – гнев Аллаха, и для них – великое мучение, потому что они предпочли мир дольний миру иному, а Аллах не ведет по прямому пути народ неверующих. Это те, на сердца, слух и зрение которых Аллах наложил печать, они беспечны. Поистине, в иной жизни они будут проигравшими» (*Al-Qur'ān* 16: 105–109).

Факт появления у мекканцев подозрений говорит о том, что на них язык откровений Мухаммада не производил столь ошеломляющего впечатления, чтобы они сразу же признали их за божественные. Знакомых с изысканными образцами доисламской поэзии современников Мухаммада, говоривших с ним на одном языке, сложно было чем-либо удивить. Тезис о неподражаемости языка Корана как доказательстве его божественного происхождения появился уже значительно позже и был настолько сакрализован исламской традицией, что подвергающий его сомнению рисковал быть обвиненным в вероотступничестве со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями. Не удивляло мекканцев и то, что из уст Мухаммада звучат вариации на библейские сюжеты, ведь познакомиться с ними он мог, общаясь с живущими в Мекке пленниками-иностранцами, так что и смысловой аргумент в пользу неподражаемости Корана не был доказательством божественного происхождения откровений для мекканских скептиков. Исламскому пророку, который пока не получил военно-политического влияния, не оставалось ничего, кроме как атаковать их словесно.

Обстоятельства конфликта говорят сами за себя. Мекканцы обвинили Мухаммада в том, что он черпает материал для откровений у проживающих в Мекке иностранцев, а в ответ им было указано на то, что это невозможно, так как ломаный арабский этих чужеземцев отличается от ясного языка Корана. После этого пророк заклеил оппонентов лжецами, пообещав посмертное наказание. Больше сказать Мухаммаду было нечего. Объективно рассуждая, такая аргументация могла лишь усилить подозрения критически настроенных соплеменников исламского пророка.

Ответ на аналогичные обвинения содержится и в другой суре Корана – «Различение» (Аль-Фуркан): «И сказали те, кто не уверовал, что это – ложь, измышленная им, и помогал ему в этом другой народ. Они учинили несправедливость и неправду и сказали: «Он записал предания древних, которые читались ему с утра до вечера». А ты скажи: «Ниспослал это Тот, Кто знает тайну на небе и на земле, и Он – прощающий и милосердный» (*Al-Qur'ān* 25: 4–6). В этом фрагменте подозрение падает уже не просто на некоего чужеземца, а сразу на группу «других людей», за которыми Мухаммад записывал предания древних, причем посвящал этому много времени. Это дает основания предполагать, что иностранец из суры «Пчелы» – собирательный образ. К тому же и последующие комментаторы Корана в разъяснениях на фрагмент со 101-го по 103-й аяты 16-й суры называли сразу несколько имен иностранцев, общавшихся с Мухаммадом и подпавших под подозрение мекканцев. Голословный ответ исламского пророка в суре «Различение», естественно, не мог убедить его скептически настроенных соплеменников, как и ранее упомянутые контраргументы, попавшие впоследствии в суру «Пчелы».

⁵ Эти слова Корана служат для обоснования такыи – практики сокрытия мусульманином своих истинных религиозных убеждений в случае опасности или ради тактических соображений.

Согласно авторитетному кордовскому комментатору Корана, исламскому теологу и правоведа Мухаммаду аль-Куртуби (XIII в.), «те, кто не уверовал» – мекканские многобожники. Называется и имя одного из обвинителей Мухаммада – ан-Надр ибн аль-Хариса (شراحلا نبا رضىنلا), известного в племени курейш поэта и музыканта, изучавшего музыкальное искусство в Персии и столице вассального Ирану христианского Лахмидского царства – Хире. Впоследствии, когда Мухаммад стал политическим и военным лидером Медины, он победил мекканцев в битве при Бадре (624 г.). Ан-Надр ибн аль-Харис стал тогда одним из немногих мекканских пленников, обезглавленных по приказу исламского пророка.

Аль-Куртуби уточняет, что «ложью» мекканцы называли Коран. «Другой народ» – это, по одной версии, приводимой аль-Куртуби, иудеи, а по другой – Абу-Фукейха (أبي فوف وبأ), раб племени бану аль-хадрами, и уже знакомые нам по комментарию ар-Рази на фрагмент суры «Пчелы» мекканские рабы 'Аддас и Джабр. По сведениям аль-Куртуби, Абу-Фукейха, 'Аддас и Джабр были «людьми Писания», то есть или христианами, или иудеями (*Al-Qurtubī*, 2006. P. 368). О том, что подозреваемыми учителями Мухаммада в данном случае были «люди Писания», сообщает и комментарий «Аль-Джалялейн» без указания конкретных имен (*Qabāwa*, 1954. P. 360). Что под «другим народом» имеются в виду иудеи, пишет и ат-Табари (*Aṭ-Ṭabarī*, 1994. P. 457). Ар-Рази в своем комментарии отождествляет слова «и помогал ему в этом другой народ» из данного фрагмента суры «Различение» с фразой «его учат люди», прозвучавшей в рассмотренном фрагменте суры «Пчелы» (*Ar-Rāzī*, 1981. P. 50).

Интересную подробность об обвинениях по адресу Мухаммада, звучавших из уст упомянутого выше ан-Надра ибн аль-Хариса, и отношении исламского пророка к оппонентам, очевидно сыгравшем немалую роль в установлении его религиозно-политического авторитета, приводит Ибн Касир в комментарии к суре «Трофеи» (Аль-Анфаль) (*Al-Ḥuwaynī*, 2010. P. 191). Согласно Ибн Касиру, именно ан-Надру ибн аль-Харису принадлежит формулировка «предания древних» (أنا نيلوأل ريطاسأ). «Он [ан-Надр ибн аль-Харис], да проклянет его Аллах, уезжал в Персию, где изучал сказания о ее царях, таких как Рустам и Исфандиар⁷. А когда он вернулся, то увидел Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, уже принявшего миссию Аллаха и читавшего людям Коран. И когда Мухаммад, молитвы и мир ему, вставал со своего места, туда садился ан-Надр и рассказывал людям свои сказания, а потом говорил: «Заклинаю вас Аллахом, скажите, рассказы кого из нас лучше, мои или Мухаммада». И поэтому, когда по воле Аллаха Всевышнего он оказался в числе побежденных в день Бадра и попал в плен, посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, приказал, чтобы ему [ан-Надру] отрубили голову в его [Мухаммада] присутствии, что и было сделано, за что хвала Аллаху». Мусульманин аль-Микдад бен аль-Асвад, пленивший ан-Надра, услышав от Мухаммада повеление казнить его, дважды возражает словами: «Это мой пленник», намекая на намерение потребовать выкуп за него, однако исламский пророк настаивает на расправе (*там же*). «О Аллах, обогати аль-Микдада от своих щедрот», – отвечает ему Мухаммад (*там же*). Это были не просто слова: вскоре аль-Микдад при дележе пшеницы,

⁶ Прозвучавшая также в *Al-Qur'ān* 8: 31.

⁷ Персонажи персидского народного эпоса, известные в доисламские времена и ставшие впоследствии героями поэмы «Шахнаме» («Книги царей») Фирдоуси.

захваченной у иудеев города Хайбар после расправы над ними, получает 15 мер (فَسْو) зерна (*Tadmurī*, 1990. P. 300). «Жизнеописание пророка Мухаммада» Ибн Хишама сообщает, что палачом ан-Надра стал Али ибн Аби Талиб, племянник исламского пророка (*Tadmurī*, 1990. P. 285). Из общего числа пленников, захваченных в битве при Бадре, Мухаммад не дал выкупить лишь троих, настояв на их казни. Помимо ан-Надра, смерти были преданы два других старых обидчика исламского пророка – ‘Укба Бен Абу Му‘эйт и Ту‘эйма Бен ‘Удей (*Al-Ḥuweynī*, 2010. P. 191), позволявшие себе когда-то насмехаться над своим необычным мекканским соседом, о грандиозном предназначении которого они не могли и помыслить.

Казнь ан-Надра ибн аль-Хариса – первая из расправ Мухаммада над выступавшими против него поэтами. Здесь нужно понимать, что в те времена поэты в Аравии были не просто людьми искусства, но фактически средствами массовой информации, игравшими в те времена решающую роль в формировании общественного мнения. Арабы высоко ценили яркое и образное слово, талантливые стихотворцы неизменно собирали большую аудиторию. Удачные фразы запоминались и разносились по всем уголкам полуострова, влияя на репутацию тех, кому они посвящались. Судьбу ан-Надра повторил, в частности, поэт Ка‘б ибн аль-Ашраф (*Tadmurī*, 1990. P. 12–18).

Таким образом, авторитетные в исламской традиции тексты свидетельствуют, что во времена Мухаммада в Мекке, где он получил первые откровения, жили люди, владевшие еврейским и предположительно греческим языками (скорее всего, рабы-ромее читали и говорили именно на нем). По-еврейски читал родственник Мухаммада Варака, которого исламская традиция определяет как христианина. По соседству с Мухаммадом жили и местные иудеи, среди которых не могло не быть и грамотных знатоков Торы. Христиане могли рассказывать исламскому пророку известные им сказания об Иисусе Христе, включавшие, судя по содержанию Корана, немало апокрифических элементов (таких, как рассказы о младенце Иисусе, говорившем из колыбели [Al-Qur’ān 3: 46; 5: 110; 19: 29] и оживлявшем глиняных птичек [Al-Qur’ān 3: 49]), а также знакомить его и с ветхозаветными сюжетами наряду с иудеями. В упомянутом фрагменте суры «Пчелы» нет отрицания того, что Мухаммад общался с проживавшими в Мекке рабами-чужеземцами. Напротив, слова о том, что обвинители Мухаммада указывают на некоего человека с определенными речевыми особенностями, говорит о том, что и Мухаммад, произносивший эти слова в качестве откровения, и мекканцы, к которым эти слова были обращены, хорошо его знали. Этот иноязычный собеседник вполне может быть и собирательным образом: тогда можно говорить о целой группе людей, которые могли знакомить Мухаммада с библейскими сюжетами. Факт общения исламского пророка с людьми Писания, читавшими книги религиозного содержания в Мекке, подтверждают и авторитетные комментаторы Корана.

То, как ответил Мухаммад обвинителям, скорее подтверждает их обвинения, чем опровергает. Он уклоняется от дискуссии и ограничивается голословным утверждением божественного происхождения возвещаемого им откровения от имени Аллаха, усиленным оскорблениями и угрозами по адресу оппонентов. Их слова глубоко запали в сердце исламскому пророку, и при первой же возможности он публично казнил одного из своих главных обидчиков – ан-Надра ибн аль-Хариса. Эта примерная экзекуция, очевидно, была призвана не только утолить месть Мухаммада, но и пресечь в будущем всякую критику Корана.

Христиане стояли рядом с Мухаммадом уже тогда, когда ему были первые видения. Исламская традиция упоминает двоюродного брата супруги Мухаммада – Вараку ибн Науфаля, который успокоил шокированного встречей с потусторонним миром родственника, убедив его, что откровения носят божественное происхождение. Учитывая религиозную принадлежность Вараки, логично предположить, что его кузина если не исповедовала христианство, то, по крайней мере, была знакома с христианским учением в той форме, в какой его понимал Варака. В пользу христианства Хадиджи говорит и тот факт, что, пока она была жива, она была единственной женой Мухаммада (полигамия признается блудом в христианстве). Христианство Вараки и предположительно Хадиджи было, как можно предположить с высокой долей вероятности, далеко от ортодоксальной доктрины и, скорее всего, впитало в себя еретические представления, бытовавшие на периферии Византийской империи и за ее пределами. Нельзя исключать, что Варака был адептом одной из иудеохристианских сект, признававших Христа пророком, но отрицавших Его божественное достоинство – именно так и воспринимают Господа мусульмане. О силе влияния Вараки на своего родственника свидетельствует тот факт, что с его смертью откровения Мухаммаду прекратились, что спровоцировало острый психологический кризис, сопровождавшийся суицидальными мыслями.

В Мекке были и византийские рабы, очевидно знакомые с православным учением. Коран сохранил свидетельства о том, что исламский пророк общался с ними. Это общение не осталось незамеченным его соплеменниками, которые указали на чужеземцев как на источник сюжетной составляющей оглашаемых Мухаммадом текстов. Контраргумент Мухаммада о том, что его нарратив сформулирован правильным арабским языком, отличным от ломаной речи чужеземцев, а значит, имеет божественное происхождение, выглядит слабым и скорее свидетельствует в пользу подозрений мекканцев. В пользу них говорят и риторические угрозы исламского пророка в адрес сомневающихся, косвенно указывающие на его бессилие привести убедительные доказательства своей правоты. Впоследствии, став политическим лидером, Мухаммад жестко пресекал любые сомнения в истинности своих откровений и пророческой миссии.

Знакомство творца новой религии с христианским учением, каким бы поверхностным оно ни было, объясняет догматическую близость ислама к христианству, наличие большого числа библейских сюжетов. Отметим здесь прежде всего особый статус исламского Исы, единственного из всего человечества рожденного Девой, которому надлежит явиться в конце времен и победить лжемессию Джаджжалея. Присутствие в Коране тем апокрифических евангелий свидетельствует в пользу того, что Мухаммад познакомился с сильно искаженным христианством, отличавшимся не только от имперского православия, но и от его широко распространенных в то время монофизитской и несторианской трактовок. Источником ветхозаветных сюжетов Корана с большой долей вероятности могли быть и проживавшие в Ясрибе (Медине) иудеи, снискавшие благосклонность которых Мухаммад пытался в самом начале своей проповеди. Отношения Мухаммада с иудеями с самого начала носили напряженный характер. Не обретя в них союзников, исламский пророк видел во влиятельной иудейской общине Аравии основного соперника и делал все, чтобы ее уничтожить.

Литература

(на арабском)

Al-Buḥārī, Abū 'Abdallah Muḥammad ben Ismā'īl. Ṣaḥīḥ al-Buḥārī [The Sahih of al-Bukhari]. Beirut-Dīmašq: Dār Ibn Kaṭīr, 2002.

Al-Buḥārī, Abū 'Abdallah Muḥammad ben Ismā'īl. Ṣaḥīḥ al-Buḥārī [The Sahih of al-Bukhari]. AL-Qāhira: Dar at-Ta'sīl, 2012.

Al-Ḥuwaynī, Abū Isḥāq (ed.). Tafsīr al-Qur'ān al-'azīm li-L-'imām Ibn Kaṭīr [Explanation of the Great Al-Qur'an by Imam Ibn Kathir]. Riadh: Dar Ibn al-Jawzi, 2010.

Al-Qur'ān.

Al-Qurṭubī, Abu 'abdalla Muḥammad ben Aḥmad ben Abī Bakr. Al-Jāmi' li aḥkām al-Qur'ān wa-l-mubayyan limā taḍammanahu min as-sunna wa ay al-Furqān [The Compilation of the Judgements of Quran, with its Content from Sunna and the Distinction Explained]. Beirut, 2006. Vol. 15.

Ar-Rāzī, Muḥammad Faḥr ad-Dīn. Tafsīr al-Faḥr ar-Rāzī [Commentary of ar-Rāzī]. Beirut: Dār al-fīkr li-ṭ-ṭibā'a wa-n-našr wa-t-tawzī, 1981.

Aṭ-Ṭabarī, Abū Ja'far Muḥammad ben Jarīr. Jāmi' al-bayān 'an ta'wīl 'āy al-Qur'ān [Compendium of the Dictum on the Exegesis of Quran's verses]. Beirut: Mu'assasat ar-Risāla, 1994.

Qabāwa, Faḥruddīn. (ed.). Tafsīr al-jalālayn al-muyassar. Cairo, 2003.

Tadmurī, 'Umar 'Abdussalām (ed.). As-Sīra an-nabawiyya libn Hishām [The Prophet's Biography by Ibn Hisham]. Beirut: Dār al-Kitāb al-'arabī, 1990.

German L. Krylov

Candidate of theology, Master of Oriental and African Studies, SS Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies

Address: 4/2, bldg. 1, Pyatnitskaya St., 115035, Moscow, Russian Federation

E-mail: german_krylov@mail.ru

Christians at the Origin of Islam Documented by the Islamic Tradition

This article, based exclusively on traditional Islamic sources, focuses on Christian neighbors of the Islamic prophet and their influence on him. At least two of them – Muhammad’s wife Hadija and her cousin Waraqa – are documented by the Islamic tradition to be at the origin of Islam, as they have been the first to hear Muhammad’s striking story about an angel forcing him to utter the first verses of what would be later called Al-Qur’an. Their role was crucial for the future of the new religion, as they were those who ascertained Muhammad of his prophetic mission. Waraqa’s decease was meaningfully succeeded by the expressive pause of revelations that repeatedly brought Muhammad to the brink of suicide.

As the revelations continued, Muhammad was frequently seen by his Meccan countrymen in the company of Christian slaves. Naturally, the Meccans suspected him to adopt the stories of those strangers; the fact that Muhammad energetically and yet flimsily denied in his verses. With all the differences, Islam dogmatically is the closest religion to Christianity and contains numerous allusions to the narrations of the Bible and Christian apocrypha suggesting that Muhammad’s early interaction with Christians has by no means been fruitless.

Keywords: Christianity, Islam, Quran, religion, tradition.